

Вестник ТвГУ. Серия "ФИЛОСОФИЯ". 2018. № 1. С. 191–204

ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

УДК 1 (091), 30(304.9)

К 200-летию со дня рождения Карла Маркса

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА МАРКСА¹

Ю.Д. Гранин

ФГБУН Институт философии РАН, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Анализируется эволюция теоретических представлений Маркса о «коммунизме» до и после революций в Европе 1840-х гг. В произведениях 1843–1845 гг. Маркс критиковал современные ему коммунистические учения, квалифицируя их как «грубый коммунизм». Коммунизм, считал Маркс, не может быть «целью человеческого развития». В дальнейшем под влиянием Энгельса и потребностей политической борьбы его взгляды кардинально изменились. Коммунизм стал пониматься как наилучшая «форма общественного устройства». Такая теоретическая модель будущего была прогностически дедуцирована Марксом из его общеисторической концепции, которая несет на себе отпечаток теоретической диалектики. И всю последующую жизнь он придерживался этого понимания.

Ключевые слова: *диалектика, коммунизм, отчуждение, пролетариат, философия.*

Суждения о теоретическом наследии К. Маркса в наши дни чрезвычайно разноречивы. Одни, связывая трагические страницы прошлого с классическим марксизмом, оценивают его как учение, опровергнутое временем. Другие видят источник всех бед в отступлении от заветов Маркса и предлагают «вернуться назад» – к «аутентичному марксизму». Третьи указывают, что возлагать какую-либо историческую ответственность на социальную теорию неправомерно. Вне зависимости от меры истинности и предсказательной мощи теории степень ее воздействия на конкретное движение истории довольно ограничена.

История действительно подтвердила неточность многих прогнозов и выводов Маркса, известную односторонность общеисторической и главным образом политической концепции классического марксизма. Тем не менее «вычеркнуть» политическую экономию, социологию и особенно философию истории К. Маркса из современного интеллектуального процесса невозможно.

---

¹ Темпоральность или темпоральная протяженность объекта – такая же характеристика, как и его размеры в пространстве. Наиболее обще темпоральность можно определить как интервал времени, на котором может быть установлена специфичность объекта, в нашем случае – проекта переустройства общества на коммунистических началах.

Невзирая на столетие перманентной критики, влияние философии Маркса в XX в. не только не ослабело, но и парадоксальным образом возросло. Особенно оно усилилось после того, как в 1932 г. увидели свет ранние тексты Маркса (изданные под общим названием «Экономическо-философские рукописи 1844 года») и более поздняя, написанная совместно с Ф. Энгельсом работа «Немецкая идеология». Их публикация вызвала в кругах философской и гуманитарной интеллигенции настоящую бурю, отголоски которой слышны и сегодня. Жан Поль Сартр, Клод Леви-Стросс, Эрих Фромм, Макс Хоркхаймер, Теодор Адорно, Юрген Хабермас, Пол Фейерабенд и многие другие не единожды подчеркивали огромное влияние философии Маркса на формирование их оригинальных концепций. В настоящее время в рамках «неокантианства», «неопозитивизма», «неореализма», «феноменологии», «экологии», многих других направлений философской и социальной мысли существуют течения, идентифицирующие себя с марксизмом.

И все-таки ассоциативная цепь «Маркс – коммунизм» по праву остается доминирующей. Поэтому, говоря о Марксе, так или иначе говоришь о коммунизме. О том, что такое коммунизм и как его построить, вождь и учитель мирового пролетариата писал революционеров в столь любимых советскими идеологами «Гражданской войне во Франции» (1871 г.) и «Критике Готской программы» (1875г.). Но таким Марксом он стал далеко не сразу. **Даже** поверхностное знакомство с работами 1843–1845 гг. показывает, что был и другой Маркс, который довольно резко критиковал современные ему коммунистические учения.

Маркс, которого мы не знали

Своеобразие творческой биографии Маркса выразилось **В ТОМ**, что большую часть своей жизни он выступал не как собственно философ, а был философом «по преимуществу». Собственно философская работа пришлась на 1840-е гг., когда в основных чертах им было завершено создание своей материалистической философии истории. А в дальнейшем, вплетаясь в ткань исторических, социологических и иных специально-научных исследований, она продолжалась в латентной форме. Но, повторим, начинал Маркс как философ-профессионал. Не только потому, что был таковым по образованию. Важно не забывать, что и коммунизм в Германии начала 1840-х гг. был *философским* коммунизмом. Точнее немецким философским коммунизмом, с пиететом относившимся к отечественной философии, традиционно стремившейся к научности своих доказательств и выводов.

В статье для газеты «New Moral World», написанной Энгельсом в октябре 1843 г., содержится важное замечание, которое весьма точно характеризует если не всю группу младогегельянцев, то по крайней мере его и молодого Маркса: «Немцы – нация философская, они не пожелают, не смогут отказаться от коммунизма, раз он покоится на здоровых философских основах, в особенности, когда он является неизбежным выводом из их собственной философии. И вот задача, которую нам предстоит теперь выполнить. Наша партия должна доказать, что либо все усилия немецкой философской мысли от Канта до Гегеля остались бесполезными и даже хуже чем бесполезными, либо их завершением должен быть коммунизм; что немцы должны либо отречься от своих ве-

ликих философов, чьи имена составляют их национальную гордость, либо признать коммунизм. И это *будет* доказано» [7, с. 540].

Так и случилось. Если во введении «К критике гегелевской философии права» (1843 г.) он обосновывает историческую миссию «пролетариата», который способен осуществить «радикальную революцию» и «общечеловеческую эмансипацию», то в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» («ЭФР») он предстает радикальным гуманистом, для которого коммунизм не цель, а средство освобождения человека от власти им же порожденных, но чуждых ему структур мышления и бытия. Уже в этой работе (но более четко – в «Немецкой идеологии» (1845 г.)) реализуется материалистическое понимание человеческой истории, способом существования которой выступает «практика» («праксис») – форма объективного процесса, связующего «природный и социальный миры» в единое целое. Интерпретируя всемирную историю как процесс взаимодействия природы и общества в их обусловленности предметной (совместной и индивидуальной) деятельностью и одновременно полагая эту деятельность в качестве сознательной и свободной, Маркс анализирует осуществление прогресса человечества во всеобщем и конкретном исторических аспектах. В конкретно-историческом – как отчуждение (в государство, право, религию, семью и т. п.) родовой сущности человека. И в общеисторическом – как возврат к этой родовой сущности через «снятие» отчуждения посредством политической формы эмансипации рабочих. В этих аспектах Маркс анализирует коммунизм в качестве идеи «упразднения частной собственности», проходящей в своем развитии несколько этапов, воплощенных в «неподлинных» и «подлинной» формах коммунизма.

Современные ему идеологии коммунизма он оценивает как «незавершенный», «неадекватный собственному понятию» *грубый коммунизм*, который базируется на таких социально-психологических чувствах, как «зависть» и «жажда нивелирования» всех под лозунгом «равенства». Будучи теоретически подкрепленными коммунистической фразеологией, эти чувства получают завершение в стремлении «уничтожить *все* то, чем на началах *частной собственности* не могут обладать *все*», где «...категория *рабочего* не отменяется, а распространяется на всех людей...» [5, с. 114]. И далее: «Для такого рода коммунизма общность есть лишь общность *труда* и равенство *заработной платы*, выплачиваемой общинным капиталом, *общинной* как всеобщим капиталистом. Обе стороны взаимоотношения подняты на ступень *представляемой* всеобщности: *труд* – как предназначение каждого, а *капитал* – как признанная всеобщность и сила всего общества. ...Таким образом, первое положительное упразднение частной собственности, *грубый* коммунизм, есть только *форма проявления* гнусности частной собственности, желающей утвердить себя в качестве *положительной общности*» [там же, с. 114–116].

Поистине пророческие слова! В чертах «грубого коммунизма» легко можно узнать обобществление средств производства и построение государственного «социализма» в России и многих других странах. Такой коммунизм, по словам Маркса, будь он демократического или деспотического характера, является незавершенным, ибо он еще не уяснил себе положительной сущности частной собственности и не постиг еще *человеческой* природы потребности.

«Вышеуказанный... еще незавершенный коммунизм ищет для себя *исторического* доказательства в отдельных противостоящих частной собственности исторических образованиях... но этим он только доказывает, что несравненно большая часть исторического движения противоречит его утверждениям и что если он когда-либо существовал, то именно это его прошлое бытие опровергает его претензию на *сущность*» [там же, с. 116–117]. Итак, перед нами еще не действительный, адекватный собственному понятию, коммунизм. Подлинным может быть *«коммунизм как положительное упразднение частной собственности – этого самоотчуждения человека – и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т. е. человеческому. Такой коммунизм, как завершенный натурализм, = гуманизму...»* [там же, с. 116].

Значит, главное для Маркса летом 1844 г., заключалось не в экспроприации пролетарием буржуа, а в возвращении человеку его гуманной природы при условии сохранения достижений цивилизации. Действительный коммунизм, полагал Маркс, требует не ликвидации частной собственности (ее отрицания), а отхода человека от изолированного эгоистического способа бытия; не насаждения общности имущества, а утверждения открытого, ориентированного на межличностное общение сотрудничества. *Коммунизм-обобществление в таком случае по смыслу сопряжен скорее с коммуникацией - общением, чем с коммунной-общиной.*

В последних строках «ЭФР» Маркс подытоживает свою гуманистическую позицию: «Коммунизм есть позиция как отрицание отрицания, поэтому он является *действительным*, для ближайшего этапа исторического развития необходимым моментом эмансипации и обратного отвоевания человека. *Коммунизм* есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества» [там же, с. 127].

Маркс-философ сумел в этом совершенно туманном для середины XIX в. пассаже предвосхитить некоторые черты дальнейшего хода истории. Возмущение несправедливым, бесчеловечным устройством социума воплощается в движении за уничтожение частной собственности, называемое коммунизмом. Этот коммунизм формирует представление об идеальном обществе и пытается осуществить свой проект, но терпит неудачу. Тем не менее во многих странах подспудно происходят изменения, делающие общественную жизнь более гуманной. Снижение имущественного и избирательных цензов, предоставление права голоса женщинам расширяют демократию. Посредством акционирования, упрочения малых форм бизнеса частная собственность становится достоянием многих. А под влиянием рабочего движения государство начинает развивать сети социального обеспечения. Рабочее движение под социалистическими лозунгами оказывается проявлением, «необходимой формой» и «необходимым моментом» процесса освобождения человека, гуманизации общества. И следует отдать ему должное, оно часто было движущей силой, «энергическим принципом» этого процесса. Тем не менее коммунизм как

таковой («как таковой» у Гегеля и, стало быть, Маркса означает «в непосредственной форме»), т. е. как представление об идеальном обществе, превращенный в практические принципы его устройства, «форму человеческого общества», ложен, ибо является плодом отчужденного сознания, для которого реальностью и надчеловеческой силой обладают порождения самого человеческого ума. При попытках осуществления коммунизма как такового обнаружилось, что он не идет дальше отягощенного тоталитаризмом государственного капитализма.

Следует иметь в виду еще одно обстоятельство. Осуществленный в «Рукописях» анализ отчуждения имеет не только гуманистический, но и общеисторический смысл. Философскими средствами Маркс попытался обосновать принципиальную возможность достижения такого этапа в жизни человечества, где была бы реализована высшая степень исторической свободы: переход к способу развития, когда не общественные отношения господствуют над людьми, а люди «господствуют над случайностью и отношениями». Отмеченная еще Гегелем парадоксальность истории заключается в постоянном воспроизводстве ситуации, в которой отдельные личности и большие массы людей, эти «творцы истории», воистину «не ведают, что творят». Подлинный исторический смысл, общественные последствия преобразующей социальную реальность деятельности ускользают из-под контроля индивидуального и массового сознания. Для философски мыслящих людей проблема состоит даже не в констатации этого очевидного факта, а в выяснении того, является ли ситуация неконтролируемости людьми изменений продуцируемых ими же негуманных форм общественного бытия атрибутивной характеристикой истории или же ее существование связано лишь с определенным *типом* общественного развития, который в самом себе содержит объективную возможность диалектического «снятия»? И что необходимо предпринять, дабы эта возможность реализовалась? В конечном счете именно эти вопросы интересовали Маркса, и он обсуждал их на протяжении всей жизни. Со временем изменяется лишь способ и, естественно, «язык» обсуждения: с высоты предельных абстракций и рассуждений о родовом единстве людей философская мысль спускается на грешную землю и ищет опору в социологических и политэкономических аргументах.

«Искушение» Маркса Энгельсом

В конце августа 1844 г. в Париже встретились Маркс и Энгельс и, по воспоминаниям последнего, обнаружили полное совпадение взглядов. Судя по всему, совпадение стало возможным потому, что Маркс не настаивал на «абстрактно-гуманистических» положениях «ЭФР», а сторонник оуэновских коммунистических идей Энгельс вряд ли прочувствовал философские оттенки в подходе Маркса к ключевой проблеме – пониманию коммунизма. Эти расхождения достаточно заметны в их работах 1843–1848 гг., но позже исчезают в совместных трудах, где первоначальный, основанный на отвлеченном философствовании реализм Маркса парадоксальным образом сплавился с замешанным на экономическом эмпиризме утопизмом Энгельса.

1. *Эмансипация пролетариата и эмансипация человечества.* Во введении «К критике гегелевской философии права» (1843 г) и «ЭФР» Маркс пишет, что пролетариат – сословие, которое являет собой разложение всех сословий и всего сословного; пролетариат – сфера общества, представляющая собой полную утрату человека. Пролетариат не сможет освободиться без

освобождения всех классов и слоев общества, которое влечет упразднение самого пролетариата и полное возрождение человека. Именно это возрождение разрешит противоречия между трудом и капиталом, которые одинаково суть человек, потерявший себя. Как и рабочие, буржуа обладают лишь видимостью человеческого существования, но они не способны на «радикальный освободительный прорыв». На него способен только пролетариат. Способность этого класса на радикальный освободительный прорыв в будущее гарантирована, по мнению Маркса, его объективным положением: это класс гражданского общества, который уже не есть класс гражданского общества, это класс, скованный радикальными цепями и универсальным страданием. Его появление возмещает фактическое разложение существующего миропорядка. И требуя *«отрицания частной собственности»*, пролетариат лишь возводит в *принцип* общества то, что общество возвело в его принцип, что воплощено уже в нем, в пролетариате, помимо его содействия, как отрицательный результат общества» [2, с. 428].

Иначе говоря, условия существования определяют характер сознания пролетариев, и это сознание не может двинуться дальше примитивного «грубого коммунизма». Но в силу своей физической нищеты пролетариат объективно открыт для понимания пагубности самоотчуждения человека, буржуа же в ситуации самоотчуждения чувствуют себя удовлетворенными, хотя объективно (в силу образования) более способны осознавать проблему. Поэтому если пролетариат – «сердце» грядущей эмансипации человечества, то «головой» ее может быть только философия, дающая представление о действительном коммунизме. «Философия не может быть воплощена в действительность без упразднения пролетариата, пролетариат не может упразднить себя, не воплотив философию в действительность» [2, с. 429].

Энгельс в «Набросках к критике политической экономии» (1843 – январь 1844 г.) пишет, что капитал и труд борются друг против друга, что корень зла – частная собственность, которую необходимо уничтожить. Он отразил эмпирические наблюдения, а философские прозрения Маркса об отчуждении вряд ли соответствовали его страстным убеждениям, основанным на собственном опыте сына фабриканта. Но вот в отношении пролетариата Энгельс был настроен явно идеалистически, что легко обнаруживается в начатой в сентябре 1844 г. совместно с Марксом работе «Святое семейство», направленной против гегельянцев. В полемическом запале Энгельс настаивает, что «рабочий создает все, до такой степени все, что он также и своими духовными творениями посрамляет всю критику». Явно под влиянием рассказов Энгельса никогда до того не бывавший в Англии Маркс, видимо, соглашается с оценкой Энгельса: «Нужно быть знакомым с тягой к науке, с жадой знания, с нравственной энергией и неутомимым стремлением к саморазвитию у французских и английских рабочих, чтобы составить себе представление о *человеческом* благородстве этого движения» [3, с. 92].

Правда, чувствуя крен в сторону идеализации рабочего класса, Маркс в ряде работ находит необходимым подчеркнуть, что социалисты не считают пролетариев богами. Энгельс же в написанной вскоре после отъезда из Парижа книге «Положение рабочего класса в Англии» недвусмысленно заявляет: рабочие – люди в самом возвышенном смысле этого слова; класс, на котором зиждется способность нации к дальнейшему развитию, тогда как буржуазия – класс деморализованный, разложившийся и не способный к какому бы то ни

было прогрессу [8, с. 237, 463, 496]. Странно, но приводимые им же в этой работе факты убийств фабрикантов английскими рабочими, поджоги и взрывы фабрик его почему-то не смущают и не колеблют его оценки «человеческого благородства» пролетариев. По мнению Энгельса, скорая революция в Англии неизбежна, в ходе нее «рабочий класс станет властелином Англии...». Так что для него неприемлем тезис о самоупразднении пролетариата в ходе всеобщей эмансипации.

Энгельс был более логичен и последователен в своем отрицании частной собственности, которая «довела человека до глубокой деградации, насадив повсеместно жесточайшую конкуренцию», и в своей убежденности в исторической миссии пролетариата. Ибо если лишенные собственности рабочие суть «люди в самом возвышенном смысле этого слова», то нужно поскорее устранить собственность, дабы все стали такими. А раз «духовные творения» их также возвышенны, то пролетарии вполне смогут постичь свою историческую сверхзадачу. Для этого английские социалисты, утверждает Энгельс, должны перестать проповедовать филантропию и всеобщую любовь: «Они (английские социалисты. – Ю.Г.), правда, понимают, почему рабочий озлоблен против буржуа, но это озлобление, которое единственно и может вести рабочих вперед, они считают бесплодным и проповедают еще более бесплодные в современной английской действительности филантропию и всеобщую любовь. Они признают только психологическое развитие, развитие абстрактного человека... Поэтому они слишком учены, слишком метафизичны и большого успеха не имеют... В теперешней своей форме социализм никогда не сможет стать общим достоянием рабочего класса; для этого ему необходимо спуститься со своих высот и на некоторое время вернуться к чартистской точке зрения» [там же, с. 460].

Не исключено, что подобные аргументы Энгельс использовал и в парижских беседах 1844 г. с Марксом. Ведь гневные филиппики по поводу «абстрактного человека в головах немцев», имея в виду Штирнера, он отсылал Марксу в ноябре 1844 г. Так что заявлять о полном совпадении взглядов он мог, только если не был знаком с содержанием «ЭФР». Похоже, Маркс устыдился своих «идеалистических заблуждений» и спрятал подальше «Рукописи». Идеальный поворот не оказался для него особенно болезненным, ибо все-таки «ЭФР» были отклонением от оценки пролетариата в работе «К критике гегелевской философии права», близкой по революционному пафосу к энгельсовской.

2. Обобществление средств производства и обобществление человечества. Разительную эволюцию в середине 1840-х гг. претерпели и воззрения Маркса на политическую экономию. Он не занимался ею вовсе, когда в редакцию возглавляемого им «Немецко-французского ежегодника» Энгельс прислал статью «Наброски к критике политической экономии», в которой нещадно бичует лицемерие Смита и Рикардо, пишет, что политэкономия – орудие буржуазии против пролетариата, что в Англии каждый торгаш – политэконом. Конспектируя эту статью, Маркс проигнорировал выпады Энгельса по адресу политической экономии, но обратил внимание на анализ пагубности конкуренции, категории труда, капитала, денег, частной собственности. Заинтересовавшись политэкономией как возможным теоретическим инструментом,

Маркс конспектирует и комментирует работы Смита, Рикардо, Сэя. Эти записи составили значительную часть «ЭФР».

Изобличая эксплуатацию труда капиталом и бедственное положение рабочих как результат экономических отношений в обществе, Маркс не переносит негативных оценок на самое политэкономия. Он отмечает, что Смит отбросил лицемерие меркантилизма, что он скорее циничен. Однако Маркс критикует политэкономическую мысль за односторонность: человек в ней – частичный, абстрактный человек (рабочий, капиталист). Для выяснения смысла существующих отношений необходимо подняться над уровнем политэкономии и обратиться к анализу частной собственности как отношения, порожденного отчуждением труда [5, с. 54]. Маркс дистанцирует себя от политэкономических учений, которые частную собственность воспринимают как данность.

Но вот в Париж приехал более «подкованный» в этой области Энгельс, который еще осенью 1843 г. в «Успехах движения за социальное преобразование на континенте» отмечал радикальную идею Прудона: «Собственность есть кража». И Маркс, раньше не выделявший взглядов Прудона, хотя и читавший его труды, пишет, что критика Прудонем частной собственности «делает возможной действительную науку политической экономии»! Научное, политэкономическое обоснование коммунистических идей более солидно и многообещающе, и Маркс, для которого абстрактным был «экономический человек», принял идею Энгельса, для которого абстрактным был «действительный человек» в духе «ЭФР». Уже в «Немецкой идеологии» (1845–1846 гг.) есть пренебрежительные замечания о «сущности человека», которая на самом деле основывается на сумме производительных сил, капиталов и социальных форм общения. Раз реальная основа общения людей и их сущности – материальное производство, то следует лишь предпринять революционный переворот в экономическом строе: национализировать средства производства, и проблема отчуждения отпадет сама собой. Деятельностной (и авторитарной, по мнению некоторых исследователей) натуре Маркса этот революционный активизм импонировал больше, чем «простое» понимание хода истории и осознанное движение в ее потоке.

Из политэкономических штудий 1840-х гг. родилась марксова «Нищета философии» (1847 г.), в которой экономический детерминизм выступает уже вполне определенно. *Конкретный анализ форм капитала, заработной платы и денег потеснил философские рассуждения об отчуждении труда, а заодно и реального человека, заменив его частичным, «экономическим».* Абстрагируясь от полноты человеческой личности, Маркс подразделяет людей на классы по единственному критерию – экономическому – и выводит их деятельность из принадлежности к тому или иному классу. То, что частная собственность есть не маловразумительный «результат отчуждения труда», а элементарная кража, подтолкнуло его к вскрытию в ходе политэкономического анализа механизма этого преступления буржуазии против пролетариата. Что и нашло свое завершение в теории прибавочной стоимости Маркса. Энгельс уступил стезю политической экономии Марксу, который в силу своего аналитического превосходства достиг здесь больших успехов.

3. *Коммунизм как форма общества и коммунизм как движение.* В отношении понимания коммунизма Марксом и Энгельсом в 1844–1845 гг. ни о

каком действительном совпадении взглядов говорить не приходится. Уже после работы над «ЭФР» Маркс весной 1845 г. в одном из «Тезисов о Фейербахе» написал: «Точка зрения старого материализма есть гражданское общество, точка зрения нового материализма есть человеческое общество или общественное человечество». В редакции издания 1888 г. смысл передан, как представляется, более адекватно: «...человеческое общество, или обобществившееся человечество» [6, с. 4]. Здесь обобществление явно означает совершенствование общества, иначе – гуманизацию отношений в обществе, а вовсе не утверждение господства так называемой общественной собственности. Не национализацию имущества, а объединение отчужденных корыстными интересами друг от друга людей в общество согласия.

Воззрения Энгельса на сей счет ярко воплощены в статьях «Описание возникших в новейшее время и еще существующих коммунистических колоний» (октябрь 1844 г.) и «Быстрые успехи коммунизма в Германии» (ноябрь 1844 г.): «Коммунизм, общественная жизнь и деятельность на основе общности имущества не только возможен, но уже фактически осуществляется во многих общинах в Америке и в одной местности в Англии и осуществляется... с полным успехом» [9, с. 211]. Энгельс высказывает желание в ближайшие 4-5 лет основать коммунистическую колонию с учётом планов Оуэна и Фурье. Чуть раньше в «Набросках к критике политической экономии», ссылаясь на того же Фурье, он основанием «достойного человечества» общества полагает тотальное планирование.

В «Немецкой идеологии» оба взгляда на коммунизм причудливым образом совмещаются: «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть *установлено* (курсив мой. – Ю.Г.), не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние» [4, с. 34]. Эта явным образом «промарксовская» формулировка соседствует с утверждением, что *установление* коммунизма имеет, по существу, экономический характер и необходима коммунистическая революция, предполагающая контроль и сознательное господство. *Вооружившись материалистическим взглядом на историю, Маркс стал вместе с Энгельсом сводить счеты с «созерцательным» фейербахианством, а на самом деле – с самим собой периода «Экономическо-философских рукописей 1844 года».*

Ко времени написания «Нищеты философии» (1847 г.) Маркс окончательно отошел от идей «ЭФР». «Момент человеческой эмансипации» обрел черты «цели человеческого развития» и «формы человеческого общества». Маркс делает акцент на материальных условиях освобождения пролетариата и построения нового общества. Именно теперь полное совпадение взглядов Маркса и Энгельса стало реальностью. Уничтожение частной собственности, общность имущества как условие освобождения пролетариата – центральная идея проекта «Коммунистического манифеста», который Энгельс предложил составить в своем письме к Марксу в конце 1847 г. В результате обсуждения и доработки Марксом в начале 1848 г. из «Манифеста коммунистической партии» исчезли лишь наиболее одиозные пункты «неотложных задач» в духе утопического коммунизма: сооружение дворцов для сельских коммун, организация национальных мастерских, разрушение всех нездоровых и плохо построенных жилищ, одинаковое право наследования для брачных и внебрачных

детей, соединение воспитания с фабричным трудом. Но в главном проект сохранил пафос классовой борьбы, привнесенный Энгельсом и характерный еще для «Положения рабочего класса в Англии».

Со времен «Манифеста» коммунизм как таковой во всех работах Маркса и Энгельса представлен в качестве единственно возможной формы будущего общественного устройства. В письмах и позднейших работах («Анти-Дюринг») прослеживается внешнее интеллектуальное влияние Маркса на Энгельса. Последний охотно соглашается с мыслями Маркса, негодует на редакторов, посмевших высказывать замечания по поводу его рукописей, полностью отдает приоритет созданию «научного коммунизма» одному Марксу. Но в работах первой половины 1840 гг., как показывает анализ, сказалось подспудное влияние Энгельса на Маркса. Еще большее влияние, на мой взгляд, оказало изменение темпоральности социальных процессов в Европе, обусловленное началом революций во многих европейских странах. Складывается впечатление, будто бы жажда революционной деятельности политика возобладала над изощренным аналитизмом философа и ученого, беспристрастно исследующего эволюцию современного ему индустриально-капиталистического общества. Возможно. Но следует учесть и иные («внутринаучные») факторы, оказавшие влияние на творчество Маркса.

Речь идет о формируемой в эти годы его философии истории и общесоциологической теории исторического процесса (теории общественно-экономических формаций), в пределах которых *«коммунизм» мыслится как теоретически обоснованное будущее человечества, придающее завершенность общеисторической концепции Маркса.* Во всяком случае анализ ранних произведений, непосредственно примыкающих к «Манифесту», не оставляет сомнений в том, что теоретическая модель будущего прогностически дедуцирована Марксом из его общеисторической концепции, которая несет на себе отпечаток теоретической диалектики. Здесь поступательное движение к новому общественному состоянию через пролетарскую революцию и «положительное упразднение» частной собственности рассматривается как воплощенное антагонистическое противоречие между трудом и капиталом, частным и всеобщим интересом и т. п. В ходе борьбы эти противоположные начала взаимно уничтожают друг друга, и будущее общество предстает как реализованная альтернатива предшествующему типу развития. На одном полюсе истории – необходимость, стихийность, разделение труда, частная собственность, классы, государство, деньги и товарное производство. На другом – нечто прямо противоположное – свобода, планомерность, рациональная организация и взаимозаменяемость труда, ассоциации, исключаящие классы, политическую власть. Очевидно, что из современной Марксу и Энгельсу действительности эмпирически «вывести» такое будущее невозможно. Коммунистический проект – продукт теоретико-метафизического творчества.

Авторитет марксизма рос год от года, а вместе с ним росла и критика в его адрес. Но, невзирая на нее и на то, что в последнюю четверть XIX столетия происходил бурный рост индустриального капитализма и возможности снятия социальной напряженности нереволуционными средствами, программа социальных преобразований и проект коммунистического устройства общества остались без существенных изменений. Можно ли объяснить такую поразительную устойчивость лишь «давлением потребностей политической борьбы»

или нежеланием считаться с эмпирией – с фактами, противоречащими концептуальным сооружениям теоретика?

Вряд ли. Эмпирические аргументы, особенно когда речь идет о социальных концепциях, вещь сомнительная. И в силу многообразия фактов, и вследствие их «теоретической нагруженности», создающей возможность различных интерпретаций. Кроме того, из истории науки известно, что теории, даже когда обнаруживаются противоречащие им твердо установленные факты, не отбрасываются, пока не будет создана иная теория, в которой эти факты получают объяснение. А до тех пор они сохраняются посредством «защитного поля гипотез».

Не знаю, было ли это известно Марксу. Во всяком случае, когда капиталистическая практика засвидетельствовала рост жизненного уровня трудящихся, успехи кооперативных фабрик, эффективность парламентской борьбы немецких социал-демократов и многое другое, Маркс и Энгельс не спешили отказываться от закона «абсолютного и относительного обнищания», идеи диктатуры пролетариата и некоторых других положений, которые затем были некритически унаследованы большевизмом. В том числе, конечно, и потому, что было много фактов «за» их концепцию. Но суть не в этом.

Суть дела заключается в той особой роли, которую играет философия в развитии общественнознания, да и науки в целом. Будучи теоретической формой мировоззрения, она не только выступает ведущим фактором в системе оснований социального исследования, выполняя обосновывающую и деструктивно-конструктивную функции и в отношении доминирующего типа рациональности и в отношении общей картины социального мира, но и является связующим звеном с господствующими в данный исторический период в данном обществе ценностями. Используя категориальный аппарат современной философии и методологии научного творчества и рассматривая марксизм в интеллектуальном и социокультурном контексте XIX в., можно говорить о наличии в структуре классического марксизма *новых* (общей и специально-научной) картин социального мира, их взаимной координации. Можно даже усилить этот тезис и констатировать (как, например, М.К. Мамардашвили) формирование в нем нового – неклассического – *типа научной рациональности*, который затем, независимо от марксизма, в начале XX столетия будет выработан естествознанием в связи с открытием физикой «парадоксальных объектов» микромира. Но, очевидно, приоритет открытия и квалифицированного обсуждения законов поведения объектов подобного – «свободно-волевого» – рода принадлежит философии Маркса.

Последняя, осваивая объективную диалектику истории, вырабатывает такую картину социума, для которой общественная и индивидуальная свобода так же имманентна, как и развитие. Просто потому, что идея освобождения человека и приближения коммунизма как социальной формы ее воплощения служила одним из ведущих ценностных регулятивов прогрессивной западно-европейской мысли. И было бы странно, если бы она, получив в марксизме философское обоснование и войдя таким образом в состав общей картины социального мира², в дальнейшем была устранена из содержания общесо-

---

² Любая новая идея, чтобы стать постулатом картины мира, считают специалисты, должна пройти через процедуру философского обоснования.

циологической концепции человеческой истории. Для этого Марксу надо было бы создать философию, где история человечества имела иной – внечеловеческий – смысл. Но какой толк в такой философии и в такой науке истории, выводы которых не могут изменить жизнь людей к лучшему?

Претендуя на универсальность, стремясь представить исторический процесс как единое целое, выразить его «логику», марксистская концепция, естественно, абстрагировалась от возможных «ветвлений» истории, «спрямляла» исторический процесс. Эту черту классического марксизма хорошо раскрыл Д. Лукач. Он писал о «пролетарских марксистах», которые «не понимают, что признание того или иного факта или тенденции как действительно существующих еще не означает, что они должны быть признаны как *действительность, определяющая наши действия* (Маркс научился этому у Гегеля и, освободив эту мысль от всяческой мифологии... включил ее в свою теорию)». Они, продолжает Лукач, «не понимают того, что для настоящего марксиста... всегда существует нечто более действительное и более важное, чем *отдельные факты или тенденции, а именно действительность совокупного процесса, целостность общественного развития*» [1, с. 61]). И это обстоятельство оказывается решающим: действительность *совокупного* общественного прогресса подтвердила и подтверждает основные положения «Экономическо-философских рукописей» Маркса, его прогноз постепенной гуманизации общественного развития.

Под влиянием научно-технического прогресса человечество все более избавляется от действия «естественной необходимости». Развитие робототехники, электроники, нано- и биотехнологий создает предпосылки для кардинальных изменений в характере производства. Высокая производительность способствует сокращению затрат человеческого труда в его нынешнем виде. Она открывает возможность сокращения доли многолюдного, массового производства, где отдельный работник – лишь винтик. Она дает шанс индивидуализированному производству, где уникальны и работник, и продукт его труда. Усилия индустрии, чей потенциал многократно возрос в условиях НТП, во все большей степени будут направляться системами менеджмента «человеческих отношений» и маркетинга, ориентированных не на максимизацию производства, а на его оптимизацию в интересах всех агентов экономических отношений. Становление постиндустриального общества означает сужение сферы труда как вынужденных затрат усилий по поддержанию благосостояния. Труд будет и далее трансформироваться в творчество: деятельность личности, направляемую свободным выбором и ответственностью, а не социальной регламентацией. В общем открывается перспектива перехода от технологически и институционально ориентированного общества к гуманно ориентированному.

Разумеется, развиваемые в настоящее время концепции «постиндустриального», «информационного», «постэкономического» общества не являются «истинами в последней инстанции»: действительность, как всегда, окажется богаче любых теорий. Однако формируемые сегодня характеристики социально-экономических изменений имеют возможности дальнейшего развития. Становящееся постиндустриальное (информационное) общество с присущими ему высоким уровнем потребления и интенсивно развивающимися коммуникациями открывает возможности для распространения идей свободной, ненасильственной социализации как сознательного взаимодействия индивидов

– самостоятельных собственников. Использовать эти возможности удастся, если человечество будет ориентироваться на коммунизм как концепцию «необходимого момента человеческой эмансипации», а не на доктрину «цели человеческого развития». Тогда не будет искушения во что бы то ни стало реализовать проекты идеального общества усилиями «самого передового» класса, руководимого партией мессианского типа.

Раз гуманистический выбор возможен, но отнюдь не неизбежен, усилия следует сосредоточить на продвижении идей. Причем как идеи, так и способы их продвижения должны быть сообразны эпохе. Новые решения в новых условиях примут интеллектуально свободные люди, свобода же есть в том числе и осознанная возможность, а вовсе не осознанная необходимость.

Список литературы

1. Лукач Д. Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей. М.: Международные отношения, 1990. 144 с.
2. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1955–1981. Т. 1. 1955. С. 414–429.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1955–1981. 1955. Т. 2. С. 3–230.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1955–1981. 1955. Т. 3. С. 7–544.
5. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1955–1981. 1974. Т. 42. С. 41–174.
6. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1955–1981. 1955. Т. 3. С. 1–4.
7. Энгельс Ф. Успехи движения за социальное преобразование на континенте // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1955–1981. 1955. Т. 1. С. 525–541.
8. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1955–1981. 1955. Т. 2. С. 231–517.
9. Энгельс Ф. Быстрые успехи коммунизма в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1955–1981. 1955. Т. 2. С. 518–531.

TEMPORAL EVOLUTION OF MARX COMMUNIST PROJECT

Yu.D. Granin

Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences,
12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.

The article examines the evolution of Marx theoretical understanding of «communism» before and after revolutions in Europe of the 1840-ies. In his works of 1843-1845, Marx criticized contemporary communist doctrines qualifying them as «rough communism». Communism, Marx believed, can't be «the purpose of human development». Later, under Engels influence and political struggle circumstances, his views cardinally changed. Communism began to be understood as the best «form of a social system». This kind of theoretical prediction of the future was deduced by Marx from his general theory of history built under the influence of theoretical dialectics. For the rest of his life he adhered to this understanding.

Keywords: *dialectics, communism, alienation, proletariat, philosophy.*

Об авторе:

ГРАНИН Юрий Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. E-mail: maily-granin@mail.ru

Author information:

GRANIN Yury Dmitriyevich – leading researcher of IFRAN, PhD, Professor. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation. E-mail: maily-granin@mail.ru